

Апросимова Елизавета Гаврильевна

К ВОПРОСУ О ТИПЕ ПРОСТРАНСТВА В ЦИКЛЕ ПРЕДАНИЙ ОБ ЭЛЛЭЙ БООТУРЕ

В статье рассматриваются особенности художественного пространства в якутском историческом предании об Эллэй Боотуре. На основании анализа устанавливается, что тип пространства здесь - мифологического происхождения. Пространство имеет вертикальную и горизонтальную направленность, которые во многом дублируют друг друга и соединяются в абсолютном центре мироздания. Вертикальная составляющая пространства выражает идею медиации между мирами, а горизонтальная - символизирует круговорот жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 17-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

пошел за скрипкой, Б. потихоньку стал давать денег моей матери, но та не брала. В первый раз ей пришлось принимать подаяние! Тогда Б. отдал их мне, и бедная женщина залилась слезами» [Там же, с. 245].

Резюмируем итоги проведенного анализа. Полифония раннего текста Ф. М. Достоевского удачно раскрывается с помощью эффективных инструментов современной когнитивной поэтики: голоса и точки зрения, актуализируясь в неслиянности голосов. В анализе «оживают» голоса главной героини и других действующих лиц. Диалогичность романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» реализуется в «диалоге» рассказчицы с читателем (слушателем), а также в диалогах и полилогах действующих лиц. Полифония в архитектуре раннего романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» имеет трехчастную реализацию: в разнообразии «голосов» или речевых потоков персонажей (15 «голосов»), наличии трех из пяти композиционно-стилистических единств, по мысли М. М. Бахтина образующих роман как многоголосное целое (сказ, речи героев и письма), а также в искусном сочетании различных видов композиционно-речевых форм как в системе всего произведения, так и в рамках одного сверхфразового единства. По итогам исследования оправдалась лишь одна из выдвигаемых гипотез – гипотеза о полифоничности и диалогичности раннего романа Ф. М. Достоевского.

Список литературы

1. Андреева К. А. Когнитивная поэтика как новая дисциплина современной стилистики // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. Вып. 16. С. 36-42.
2. Андреева К. А. Когнитивная поэтика как новая парадигма исследования ментальных литературных пространств // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 325-327.
3. Андреева К. А. Когнитивные аспекты литературного нарратива: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004. 196 с.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет: монография. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
5. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
7. Достоевский Ф. М. Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова. М.: Дрофа: Вече, 2002. 432 с.
8. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
9. Lodge D. The art of fiction. N. Y.: Penguin Books, 1993. 240 p.

POLYPHONY OF THE EARLY WORK BY F. M. DOSTOEVSKY "NETOCHKA NEZVANOVA"

Andreeva Kira Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Novichkova Lidiya Nikolaevna
Tyumen State University
kiralex2012@yandex.ru; noviln260793@mail.ru

The processes of integrative development of scientific knowledge in philology have led to the appearance of a new section of stylistics: cognitive poetics. The solution of a difficult problem of constructing the world of a literary text is defined by the choice of the most adequate tools of its decoding. Basic categories refer to them: the voice and point of view, defining its polyphony.

Key words and phrases: voice; the point of view; polyphony; dialogism; cognitive poetics.

УДК 392.22(=512.157)

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности художественного пространства в якутском историческом предании об Элэй Боотуре. На основании анализа устанавливается, что тип пространства здесь – мифологического происхождения. Пространство имеет вертикальную и горизонтальную направленность, которые во многом дублируют друг друга и соединяются в абсолютном центре мироздания. Вертикальная составляющая пространства выражает идею медиации между мирами, а горизонтальная – символизирует круговорот жизни.

Ключевые слова и фразы: художественное пространство; сюжет; повествовательный фольклор; историческое предание; мифология.

Апросимова Елизавета Гаврильевна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
laprosimova@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТИПЕ ПРОСТРАНСТВА В ЦИКЛЕ ПРЕДАНИЙ ОБ ЭЛЛЭЙ БООТУРЕ®

Проблема художественного пространства в словесном искусстве не раз становилась предметом специальных исследований. Впервые к проблеме художественного пространства обратился М. М. Бахтин, рассматривая

время-пространство как определенное единство [1]. В частности, исследователь выделял фольклорный тип хронотопа, в котором время – глубоко пространственное, конкретное и единое. В фольклорном времени все действует, участвует в единой жизни целого, и в этом времени соседство вещей и явлений носит отличный от последующих соседств характер [Там же]. Другой исследователь, М. Ю. Лотман, рассматривал специфику художественного пространства вне зависимости от времени. Исследователь считал, что художественное пространство обладает такими жанрообразующими свойствами, как ограниченность, в том числе вертикальная или горизонтальная направленность, линейность, дискретность, объемность, открытость/закрытость и др. [5].

Особо в этой связи следует выделить работы, в которых специально рассматривалось художественное пространство в нелитературном типе текста. В этом типе текста исследователями отмечался синкретизм пространственно-временных отношений. Так, Е. М. Мелетинский синкретизм пространственно-временных отношений выводил из диффузности первобытного мышления. В свою очередь, синкретизм пространственно-временных отношений порождает изоморфизм структуры космического пространства и событий мифического времени [6]. В ряде статей С. Ю. Неклюдов на материале русской былины рассматривает проблему изоморфизма структуры пространства и сюжета. По мнению исследователя, каждый локус обладает материальной и сюжетной конкретностью, тем самым отмечается его приуроченность к определенным местам определенных ситуаций. При этом структура сюжета определяется реализацией набора связей каждого локуса [7; 8].

В. Н. Топоров выдвинул проблему соотношения пространства и текста. Автор исследовал данное соотношение в текстах «усиленного» типа, которым соответствует особое мифопоэтическое пространство. Мифопоэтическое пространство конституируется вещами его заполняющими, оно возникает через развертывание вовне к некоему центру, в таком пространстве действует принцип постепенного нарастания сакральной отмеченности объекта по мере движения от периферии к центру. Формирование нового пространства и времени возможно только в пространственно-временном центре [11].

Исследователи выделяют особое художественное пространство, отличное от реального и выступающее как один из жанрообразующих компонентов. При этом подчеркивается изоморфизм структуры пространства и сюжета. К проблеме типа художественного пространства исследователи обращались на материале разных жанров как литературы, так и фольклора. Особый интерес в этом плане представляет то, как формируется тип художественного пространства в том или ином виде текста, например в фольклорном типе текста и жанра. Следует в этой связи отметить, что на материале якутского фольклора почти не рассматривалась эта проблема, если не считать одной, совместной работы Л. Н. Семеновой и И. А. Протопоповой [10].

В этой работе впервые была рассмотрена проблема художественного пространства на материале якутских исторических преданий. Исследователи постулируют мысль о том, что в основе преданий об Эллэй Боотуре лежит идея возобновления харизмы, воспроизведения акта творения, благодаря которому упорядочивается космос и социум. В отличие от эпоса, в котором герой «исходит» из своего мира в мир «потусторонний», чтобы возвратиться обратно, пространственные перемещения героев разыгрываются в «этом мире». Но уровень происходящего повышается, когда герой обретает жену и тем самым соединяется с миром небожителей [Там же, с. 37]. Изображение ысыаха в предании, по мнению исследователей, является смысловой точкой, которая «надстроит» над профанной действительностью [Там же]. Проведенный исследователями анализ подводит к мысли о том, что пространство в исторических преданиях об Эллэй Боотуре обладает особой отмеченностью и является одним из важных элементов общего языка произведения. В этом плане представляется актуальным еще раз обратиться к анализу пространственного построения якутского корпуса исторических преданий об Эллэе Боотуре.

Все варианты исторических преданий об Эллэй Боотуре слагаются из одних и тех же элементов, в разных вариантах меняется количество этих элементов и их комбинации, что в целом можно представить в виде определенного сюжетного инварианта. Исходя из этого, особенности пространства в этом корпусе текстов возможно рассмотреть на материале всего лишь одного варианта, а затем полученные результаты экстраполировать на другие варианты сюжета о легендарном первопредке. В качестве объекта анализа в статье рассматривается вариант № 1 исторического предания из 1-й части книги «Исторические предания и рассказы якутов» в 2-х ч., подготовленной Г. У. Эргисом [3, с. 55-59]. В качестве контрольного сопоставительного материала привлекаются варианты исторических преданий из 1-й части сборника «Исторические предания и рассказы якутов» в 2-х частях, подготовленного Г. У. Эргисом [Там же, с. 59-89], и сборника «Эллэйада», составленного Г. В. Ксенофонтовым [4].

Жанр исторических преданий характеризуется верой рассказчика и слушающих в достоверность описываемых событий. Эта вера в достоверность задает отличный от эпоса и сказки тип пространства и времени. Пространство в исторических преданиях соотносится рассказчиком и слушателями с реальным пространством. Но несмотря на то, что в преданиях об Эллэе указываются конкретные географические названия, такие как южная земля народа бэрээт, устье Вилюя, река Лена, Южная Ытык Хая и Северная Ытык Хая, тогдашняя Кизн Иэйээни (нынешняя Сахсары), сам выбор темы о первопредке обуславливает удаленность описываемых событий от реального исторического времени и географического пространства. Это подчеркивается рассказывающим, когда говорится о том, что раньше Сахсары называлась равниной Иэйээни, то есть время и пространство в «то время», в котором происходили события предания, было не совсем таким, как сейчас. Время в преданиях отнесено к квазиисторическому прошлому, в отличие от сказки, в которой время внеисторично, и от эпоса, в котором повествуется события «эпического времени».

Следует отметить, что в преданиях об Элэй Боотуре частотен образ круга либо кругового движения: *ураса* [4, с. 18, 19, 22, 25, 26, 31, 33, 36, 38, 39, 42, 44, 51, 53, 57, 169, 171, 228]; посуда [Там же, с. 19, 20, 21, 22, 23, 25, 31, 33, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 46, 49, 51, 53, 163, 167, 169, 171, 171, 210, 229]; *тосюлгэ*, место для проведения ысыаха [Там же, с. 23, 26, 40]; *тюбюрюен*, круговая рассадка людей [Там же, с. 26, 167]; полет птиц по кругу [Там же, с. 26, 40, 44, 58, 170, 171, 172, 228]; *ильгэ* в форме круга (или яйца) [Там же, с. 37, 43, 168, 229]; осуохай, хоровод [Там же, с. 163, 168, 210]; поднятие чаши по кругу [Там же, с. 40]. В данном варианте предания встречается форма круга в описании полета птиц по кругу на ысыахе, урасы и посуды. Так, в предании жена Омогой Баая предлагает Элэй Боотуру кумыс в чороне и просит выбрать одну из дочерей, Элэй выпивает кумыс и ничего не отвечает ей. Затем следует выбор невесты. Эпизод с кумысом, если он встречается в преданиях, идет перед эпизодом выбора невесты [3, с. 56; 4, с. 19, 166] либо перед испытанием Омогой Баая, которое проявляется в его дрожи или страхе [4, с. 46, 49, 166].

Вариант предания из сборника «Эллэйада» под № 191: «Однажды Оногой угостил Элэй кумысом. Когда последний после распития громко воздал благодарение, Оногой вскочил на ноги и весь затрясся. [Дальше по совету жены делается повторный опыт, давший те же результаты.] После этого Оногой предложил Элэй породниться с ним» [Там же, с. 166-167]. Данный эпизод с распитием кумыса утверждает силу Элэй и слабость Оногая, что подтверждается в вариантах предания из сборника «Эллэйада» под № 39, 43, где во время распития кумыса Омогой Баай пытается ударить Элэй Боотура пальмой, но «незнакомец, даже ничуть не разволновав кумыс в посуде, ловко отстранил свою голову» [Там же, с. 50] или «с черпаком, полным кумыса, даже не расплескав жидкости, отскочил в сторону и тем избежал удара» [Там же, с. 53]. Так сосуд с кумысом связан в предании с производительной силой природы, и то, что Элэй не расплескал кумыс, показывает его силу и готовность к сакральному браку.

Здесь следует упомянуть, что часто вместо эпизода распития кумыса Элэй Боотуром в преданиях встречается эпизод «страха» Омогой Баая [3, с. 61, 70; 4, с. 19, 22, 24, 25, 30, 33, 34, 39, 41, 42, 46, 49, 50, 53, 170], который проявляется в расплескивании им кумыса. После того как Элэй Боотур несколько лет проработал, жена Омогой Баая замечает, что при виде своего работника Омогой Баай начинает дрожать. Омогой Баай не признает свой страх, поэтому они проводят испытание: «она (жена Омогой Баая) прикрепил деревянными кольшиками обе полы его верхней одежды к земле, дала в руки берестяной черпак, наполненный кумысом, и крикнула: “Элэй, войди!”. Приподняв дверную покрывку урасы, вошел Элэй. Оногой, задрожав, выдернул обе полы и разлил кумыс до половины посуды» [4, с. 23]. Данный эпизод с расплескиванием кумыса показывает слабость Омогой Баая, иссякание его силы, что показывается через разлитие кумыса. В текстах под № 191, 196 «Эллэйады» наблюдается контаминация этих двух эпизодов. «Биир сарсыарда туран Омобой эмээхсинэ чоронноох кымыы айах туттаран туран...» (однажды утром жена Омогой, поднося Элэй кумыс в чороне...) [3, с. 56] или «Тут же в урасе Оногой Эр-Соготох-Элэй совершил моление. Он имел при себе сделанную им самим кумысную чашу. Наполнив ее кумысом с кусочками масла, Элэй взял ее обеими руками и, стоя под дымовым отверстием шатра, произнес молитву Уордаах-Джесегею» [4, с. 171]. Эти эпизоды происходят внутри урасы. Данный локус имеет форму круга (*ураса*), во время испытания пространство сосредотачивается на одной точке, на *чороне*, который тоже имеет форму круга.

В эпизоде ысыаха также актуализируется идея круга: «на ысыахе Элэй, высоко подняв украшенный конской гривой чорон, встал на одно колено и произнес заклинание... вознося им чорон с кумысом... из глубины восточного неба выплыл пучок волос из конского хвоста и пролетел по направлению движения солнца» [3, с. 58]. Пространство сосредотачивается на одной точке, когда Элэй поднимает чашу. Через ритуальное поднятие чаши осуществляется медиация между мирами. В ответ на поднятие чаши с верхнего мира выплывает пучок конских волос и пролетает по движению солнца, что опять же является движением по кругу. Таким образом, форма круга, движение по кругу является важным в этом типе пространства и встречается в эпизодах поединка силы между Омогой Бааем и Элэй Боотуром; в культурных действиях героев; в описании праздника ысыах. Результатом всех этих эпизодов является установление нового миропорядка, устройства мира, так круг в предании символизирует смену поколений («царей»), круговорот жизни, разрушение и создание мира.

Пространство в предании связано с действиями героя, задается его движением. Вслед за героем слушатели попадают с юга на реку, затем поднимаются в гору и спускаются на равнину. При этом каждый локус обладает определенным набором связей, реализация которых определяет сюжет, таким образом, последовательность пространственных зон не может быть произвольной, так, в преданиях об Элэй сохраняется некое установленное чередование следующих локусов: юг, река, гора, равнина. Начинается предание с указания пространственного ориентира – это некий юг, земля народа «*бэрээт*», в которой живет человек Омогой Баай. Южная сторона в мифопоэтической картине мира противопоставляется северной стороне и соответствует вертикальной оппозиции верх-низ. Юг также в представлениях древних тюрков представлялась солнечной стороной, стороной жизни [2].

В повествовании один местный шаман для Омогой Баая совершает камлание: «оборотился в птицу-лебедь, полетел вниз по трехрусловой Лене-реке до устья Вилюя, потом, провидев, рассказал» [3, с. 57]. В данном эпизоде можно отметить следующие пространственные ориентиры: полет (понятие верха), вниз по реке, устье реки. Шаман превращается в птицу, в существе мифопоэтического верха, но при этом движение, полет в предании идет вниз. Для обозначения полета вниз в предании используется слово «таннары», которое переводят в ИПРЯ как «вниз по реке» [Там же]. В словаре Э. К. Пекарского можно прочитать следующие значения слова «таннары»: «вниз; острием вниз, вниз головой (вверх ногами) Худ.; задом наперед Я.;

превратно (говорить) Д.: вниз по течению (=суурук таннары Ник.), на север Б. и т.д.» [9, стб. 2555]. Таким образом, на лексическом уровне подчеркивается движение вниз. Следует заметить, что во многих вариантах данного предания Элэй (главный персонаж) в начале повествования плывет вниз по реке [3, с. 55, 60, 69, 70, 79, 84; 4, с. 29, 48, 55, 126, 162], либо упоминается, что он находится в верховьях реки [3, с. 56, 60, 80, 84; 4, с. 18, 21, 34, 42, 46, 48, 50, 165, 166, 169, 171].

Общеизвестно, что река в мифопоэтическом сознании является не только географическим объектом, но представляется космической рекой, которая соединяет миры, выступает в той же функции священной вертикали, что и мировое древо. Исследователь Л. Л. Габышева реконструировала парадигму якутской картины мира, в которой оппозиции верх – низ, юг – север, верховья Лены – устье, лето – зима и т.д. передают некие мифологические глубинные оппозиции культуры и в которой члены одной стороны оппозиции синонимичны [2].

Так, в тексте предания движение вниз, помимо лексического уровня («таннары»), подчеркивается также и движением с юга на север, с истока реки на устье. Шаманская картина мира являет собой вертикальную модель мира, в которой существуют три мира: верхний, средний и нижний. Эти миры соединяются священной осью, выраженной мировым древом или космической рекой, в которой исток реки (южная сторона) соответствует верхнему миру, а устье – нижнему, находящемуся на севере. Таким образом, можно с осторожностью предположить, что шаман в данном эпизоде не просто совершает «полет» по «действительному миру», который подразумевает под собой человеческий мир, но совершает спуск сверху вниз, чтобы совершить видение. Следует заметить, что путешествие шамана состоит из следующих элементов: полет вниз по реке (с истока на устье, с юга на север), остановка на устье реки и провидение. Тем самым в путешествии шамана актуализируется вертикальная модель мира, основанная на оппозиции верх – низ, где связующей вертикалью выступает река, ее исток соотнесен с верхом, а устье – с низом пространства.

Вняв совету шамана, Омогой Баай вместе с домочадцами отправляется в путь. Они попадают по ошибке к верховьям Вилюя, спускаются по нему на плоту вниз по течению, приплывают к устью и делают остановку. Можно отметить, что путь семейства Омогой Баая повторяет путешествие, проделанное шаманом: движение вниз по течению реки с истока на устье. Далее *«Омогой Баай затем один, верхом на бревне, переправился через Лену и, поднявшись на высокую гору, сопку, говорят, пригляделся к очертаниям (раскинувшейся перед ним) страны и сказал: "Почему-то с северной стороны заметно веют холодные ветры, по-видимому, здесь страна, лишенная счастья, в которой люди и скот не могут размножаться. Только с юга отдает горячим, теплым воздухом, наверно там находится благодатная страна". Поэтому они потянули свой плот бечевой вверх по Лене и пришли на нынешнюю Кильдемскую равнину»* [3, с. 57]. Этот эпизод с переправой, восхождением на гору и дальнейшим провидением Омогой Баая не является сюжетно важным для развития событий. Но его появление в данном тексте не может объясняться случайностью. Именно после движения по реке с юга на север, добравшись до устья реки, поднявшись на гору, Омогой Баай начинает, так же как и шаман в первом эпизоде, толковать будущее людей. В этом эпизоде с путешествием и дальнейшим «провидением» Омогой Баая будущего людей присутствуют те же элементы, что и при путешествии шамана: движение вниз по реке (с юга на север, с истока на устье), остановка на устье реки, провидение; эпизод функционально повторяет первый эпизод с путешествием шамана по вертикали. Таким образом, Омогой Баай, как и шаман, осуществил медиацию между мирами. И точно так же, как в первом эпизоде, люди внимают словам Омогой Баая и прибывают на благодатную страну.

В связи с этим стоит упомянуть варианты преданий, в которых Элэй Боотур плывет по реке на бревне (коряге) и видит на реке вместо отражения бревна (или коряги), на котором он плыл, – лошадь, которая указывала ему путь [4, с. 31, 38, 44, 46, 60], а на воде рисуются конские загоны, стойла для жеребят, дымокуры, кумысная посуда [Там же, с. 31]. По увиденным на реке образцам он в будущем сделает эти предметы культуры. Точно так же, как и шаман, которому надо было долететь до устья реки, чтобы «провидеть» будущее, и как Омогой Баай, который переправляется через реку, чтоб толковать будущее людей, именно на реке Элэй «провидит» будущее, узнает свой путь. Таким образом, в предании с движением сверху вниз по реке связано толкование будущего. То, что в данном варианте Омогой Баай, чтобы провидеть, пересекает реку и взбирается на гору, еще раз подтверждает это. Река в предании выступает в функции священной вертикали, связывающей миры, в этой же функции выступает гора. Поднимание на гору дублирует путешествие Омогой Баая по реке.

Как и было сказано шаманом и Омогой Бааем, они прибывают на равнину, в благодатную страну. Там они ставят урасу, тем самым обживают пространство, устанавливают вертикальную ось. Под Северной Ытык Хая Омогой Баай и его люди находят пеструю, как шмель, трехлетнюю стельную корову, под Южной Ытык Хая – четырехлетнюю темногривую, темнохвостую кобылу. Так актуализируется оппозиция юг (конный скот) – север (рогатый скот). Люди начинают жить в той благодатной стране, наступает изобилие. В это время с верховьев реки начинают проплывать мимо них птичьи перья, звериная шерсть, щепки. Это замечают работники Омогой Баая. Тот приказывает проследить за щепками, и парни доходят до самой Южной Ытык Хая. Оказывается, там сидит совершенно голый человек, который начинает разговаривать с ними как знакомый. Этим человеком является Элэй Боотур.

Появление этого героя знаменательно. Во-первых, он находится в верховьях реки, то есть на истоке. Исток реки, как было показано, является южной и верхней стороной. Во-вторых, он расположился под Южной Ытык Хая, которая символизирует южную и верхнюю сторону (гора – верх). По тексту предания, Южная Ытык Хая была создана для размножения конного скота, и под ней люди Омогой Баая нашли кобылу. Коррелятом мифологической оппозиции юг – север выступает оппозиция конный скот – рогатый скот, в которой конный скот

соответствует южной стороне. Южной стороне принадлежит и Элэй Боотур, первый, кто изготавливает кумысную посуду, конские загоны, стойла для жеребят, и первый, кто совершает обряд окропления кумысом – ысыах. На ысыахе после алгыса (благословения) Элэя к высшим айбы «(В ответ)... из глубины восточного неба выплыл пучок волос из конского хвоста и пролетел по направлению движения солнца» [3, с. 58]. Так в тексте предания можно заметить скрытые аллюзии на связь Элэй Боотура с конем: он так же, как и конь, принадлежит южной, верхней стороне, он изготавливает предметы, связанные с лошадьми, в знак благословения айбы по небу пролетает пучок волос из конского хвоста. В разных вариантах предания Элэй Боотур на реке вместо отражения бревна, на котором он плывет, видит лошадь, которая указывает ему дорогу [4, с. 31, 38, 44, 46, 60]. Можно заключить, что Элэй Боотур является человеком верхней и южной стороны (прибыл с верховьев реки, сидит под Южной горой), пространственно связанный с конем.

Таким образом, в рассмотренном варианте тип пространства цикла преданий об Элэй Боотуре вбирает в себя мифологические представления якутов о мироздании. Начальное безграничное, невыделенное пространство в предании по мере движения героев (а значит, и сюжета) начинает упорядочиваться. При этом упорядочивание пространства идет в двух плоскостях – горизонтальной и вертикальной. На первый взгляд, пространственные перемещения героев происходят только в горизонтальной плоскости, движение начинается с юга, сначала появляются оппозиции юга – севера; верха – низа; истока реки – устья реки; появляются связующие данные оппозиции ориентиры – река и гора. Затем человек, прибыв на равнину, ставит урасу и отграничивает свое пространство от чужого. И именно внутри урасы он поднимает свою чашу с кумысом, тем самым сосредотачивая все движение сюжета на одной точке. В процессе упорядочения пространства мифологическая оппозиция «чужой – свой» актуализируется посредством движения героев из чужого пространства в свое, из периферии к центру, пространство по мере движения сюжета свертывается, собирается в абсолютный центр. Тем не менее за всеми этими горизонтальными элементами пространства усматриваются элементы мифологического плана, которые находятся в вертикальной плоскости. Так, оппозиции юга – севера, верха – низа, истока реки – устья реки являются дублирующими друг друга оппозициями, которые выражают мифологическое соотношение верха – низа. Река, гора, ураса в предании выступают как вертикальные связующие миров, образы мирового древа.

Вертикальная составляющая пространства находит себя в эпизодах провидения и поднятия чаши с кумысом и символизирует медиацию между мирами. В горизонтальной составляющей важное место занимают мифологические форма круга и круговое движение, которые символизируют бесконечный круговорот жизни. При этом горизонтальная составляющая пространства строится свертыванием пространства внутрь. Горизонтальная и вертикальная составляющие во многом совпадают друг с другом и в конце соединяются в абсолютном центре мироздания, откуда и возникает по-новому устроенный мир.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 809 с.
2. Габьшева Л. Л. Фольклорный текст. Семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
3. Исторические предания и рассказы якутов: в 2-х частях / подг. Г. У. Эргис. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 359 с.
4. Ксенофонов Г. В. Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 275 с.
5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 407 с.
7. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинне // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. С. 18-45.
8. Неклюдов С. Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895-1970). М.: Наука, 1975. С. 182-190.
9. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 4-х т. М.: Академия наук СССР, 1959. Т. 3.
10. Семенова Л. Н. Элэйада: семантика, структура, жанр: материалы к спецкурсу / И. А. Протопопова, Л. Н. Семенова. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2008. 49 с.
11. Топоров В. Н. Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы: в 2-х т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.

ON THE ISSUE OF THE TYPE OF SPACE IN THE CYCLE OF LEGENDS ABOUT ELLEY BOOTUR

Aprosimova Elizaveta Gavril'evna

*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
laprosimova@gmail.com*

The article examines the peculiarities of an artistic space in Yakut historical legend about Elley Bootur. On the basis of the analysis it is found out that the type of the space here is of mythological origin. The space has vertical and horizontal directions, which duplicate each other a lot and join in an absolute centre of the universe. The vertical component of space expresses the idea of mediation between the worlds, and the horizontal one symbolizes a constant flow of life.

Key words and phrases: artistic space; plot; narrative folklore; historical legend; mythology.